

8P1
П-39

А.А. ПЛОТКИН

Д.И. ПИСАРЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
1959

977

8P1
П-39

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

8P1
П-39

Л. А. ПЛОТКИН

ПИСАРЕВ

И
ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОЕ
ДВИЖЕНИЕ
ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

ПРОБЛЕМЫ

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ
ВВЕДЕНИЕ И ПОИСК РАБОТНИКОВ

ДЕК 2011

ПРОБЛЕМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1945 МОСКВА

4

ЧИТАЛЬНЯ

Ответственный редактор
профессор *Б. П. Козьмин*

010137

Пров. 51 г.

Пров. 55

Пров. 60г.

ПРОВ. 1963г.

ОТ АВТОРА

Задача настоящей работы — исследовать эволюцию социально-политических, философских и эстетических взглядов Писарева в связи с развитием русской общественной мысли 60-х годов и установить историческое значение его деятельности.

Для характеристики идейной атмосферы 60-х годов мы широко привлекли журналистику того времени, а также издания русской политической эмиграции, главным образом, «Колокол». Помимо опубликованных материалов, мы пользовались архивными материалами Москвы и Ленинграда и, кроме того, подвергли изучению свыше 40 новых и не известных до сих пор статей и рецензий Писарева, печатавшихся в «Рассвете». Эти статьи и рецензии, принадлежность которых устанавливается на основании ряда данных, не были включены в собрание сочинений Писарева и, таким образом, оставались за пределами внимания исследователей.

Большая часть работы написана в 1940—1943 годах. Отдельные фрагменты ее уже были опубликованы и включены нами в монографию в переработанном виде.

Академического полного собрания сочинений Д. И. Писарева не существует, поэтому произведения Писарева цитируются нами по двум изданиям: либо по двухтомнику избранных сочинений, (М.—Л., 1934—1935) заслуживающему наибольшего доверия в текстологическом отношении, либо по собранию сочинений, издававшемуся Павленковым. Ссылки на работы Писарева, не вошедшие в оба эти издания, оговорены особо.

ГЛАВА I

ПИСАРЕВ В ОЦЕНКЕ КРИТИКИ

Несмотря на то, что деятельность Писарева представляет собой выдающееся явление в истории русской критики и публицистики и оказала серьезное влияние на развитие общественной мысли в России, в критической литературе воззрения Писарева, его роль и значение изучены недостаточно. Можно с полным правом утверждать, что только в советском литературоведении предприняты первые шаги к всестороннему исследованию творчества Писарева.

В современной Писареву журналистике и в позднейших буржуазных историко-литературных работах деятельность его почти неизменно встречала тенденциозную, резко враждебную оценку. В острой полемике, которую вели против Писарева Страхов («Косица»), Зарин («Incognito»), Н. Соловьев, а позднее и Антонович со страниц «Отечественных записок», «Русского вестника», «Эпохи» и «Современника», разумеется, трудно найти объективный анализ его взглядов. В разных аспектах социально-политические, философские и эстетические воззрения Писарева подвергались резко отрицательной оценке, а нередко и попросту извращались. Для Страхова, Зарина и Н. Соловьева Писарев был выразителем самых крайних и парадоксальных выводов «нигилизма». Обвинения, которые предъявлял Писареву Антонович на страницах «Современника», тоже исключали возможность объективного анализа его взглядов.

В буржуазном литературоведении Писареву отводилась роль разрушителя эстетики и проповедника антинародной гедонистической морали. Он изображался чем-то вроде «злого духа русской литературы», который оставил после себя «пагубные опустошения». Провозглашалась необходимость борьбы с «тлетворным влиянием» его разрушительного и неотразимо талант-

ливого пера. Наиболее показательны в этом смысле оценки, которые давались Писареву в специальных трудах по истории критики И. Ивановым и А. Волынским. Иванов с нескрываемым полемическим пристрастием третирует Писарева. Нигилизм, по его мнению,— это не больше, как «один из бесчисленных вариантов отчасти жалких, отчасти трагических заблуждений безрасчетно-самонадеянного и юношески-неиспытанного ума». ¹ По мнению Иванова, наиболее полно об этих заблуждениях высказался Писарев. В его взглядах Иванов видит не логическое развитие идей, а лишь действие психологических аффектов. Он подчеркивает, что Писареву свойственны были «первобытная простота решений всех решительно вопросов и беспримерная в русской критике элементарность общих рассуждений». ² Дабы окончательно унижить Писарева, Иванов объявил его послушным учеником Благосветлова, чем-то вроде даровитой марионетки в руках властного руководителя «Русского слова»: «Благосветлов, редактор «Русского слова»,— говорит Иванов,— стоит в тени, сравнительно со своими громкими сотрудниками вроде Писарева, Зайцева. А между тем, именно его следует признать вдохновителем и первоисточником нигилизма, поскольку это направление выразилось в публицистике 60-х годов. Особенно Писарев, по своим идеям и общему умственному развитию, находится в теснейшей зависимости от Благосветлова: можно сказать,— он создан или, по крайней мере, перерожден, редактором «Русского слова», им направлен и богато снабжен самым эффектным и сногшибательным оружием разрушения». ³

Лейтмотивом работы Иванова является обвинение Писарева в игнорировании интересов народа: «Каким-то чудом радикальный критик сумел миновать вопрос о народе как раз в ту эпоху, когда вопрос этот висел в воздухе, создавал партии даже среди прирожденных обломовцев, одинаково захватывал правительство, общество и литературу». ⁴

Не довольствуясь всем этим, Иванов прибегал к определениям вроде «самообольщенный резонер», «назойливая притязательность новоявленного гения» и пр. Своего апогея вся эта полемическая риторика достигла в утверждении, что многие взгляды Писарева могли возникнуть только «в припадке бреда» и что успех его объясняется лишь «культурной первобытностью» русской публики.

В такой же форме и с теми же выводами трактовал лите-

¹ И. Иванов. История русской критики, ч. 3—4, 1900, стр. 605.

² Там же, стр. 638.

³ Там же, стр. 632.

⁴ Там же, стр. 645.

ратурно-критическую роль Писарева А. Вольтинский: «На смену Чернышевскому,— писал он,— идет Писарев — новая сила, которая с безумным самодурством разгуляется по еще недостроенному, но уже осевшему и трескающемуся зданию русской культуры». ¹ После Чернышевского, утверждает он, Писареву естественно было говорить в повелительном тоне, без всяких доводов, претенциозными афоризмами. Почва была достаточно подготовлена для восприятия этих афоризмов, которые «разрушали литературу, иссушали творчество и вносили в умы дух слепой ненависти ко всему, что не сразу и не вполне доступно плебейскому неразвитому вкусу». ²

Политический смысл враждебного отношения к Писареву со стороны критиков, третировавших «плебейский вкус», совершенно очевиден. Для Иванова и Вольтинского был абсолютно неприемлем боевой демократический дух деятельности Писарева, и они не столько выясняли его место в истории критики, сколько боролись против его воззрений.

Отрицательную интерпретацию деятельности Писарева встречаем мы и в народнической критике. Так, Скабичевский утверждал, что в 60-х годах существовало два течения. Одно выступало в качестве нравственного идеала самопожертвование личности ради общей пользы, другое исповедывало «сенсуализм». Символом веры второго течения было ничем не ограничиваемое личное наслаждение. Сторонниками нравственного самопожертвования Скабичевский считал Чернышевского и Добролюбова. Писарева он определяет, как проповедника «сенсуализма». «Мы видим,— пишет он,— что Добролюбов и Чернышевский выводили нравственность из эгоизма и ратовали против насильственного подчинения человека нравственному долгу. Но тем не менее высшим нравственным идеалом все-таки они считали самопожертвование личности общей пользе, требуя лишь, чтобы это самопожертвование проистекало из свободного стрем-

¹ А. Л. Вольтинский. Русские критики, стр. 309.

* Тенденциозные оценки Иванова и Вольтинского вызвали отпор со стороны А. Тельшева. В статье «Писарев перед судом учителя истории» он писал: «Бедный Писарев! И повезло же ему: сперва его уничтожил блаженной памяти г. Вольтинский; теперь его уничтожил г. Иванов. И замечательное дело: каждый раз Писарев уничтожался до тла, а все еще цел». Возражая против всего тона и смысла высказываний Иванова, в которых он видит желание «не просто подвести итоги культурному значению деятельности Писарева, а непременно задушить его и уничтожить», Тельшев заявляет: «Никто не поднимал самый тон нашей внутренней жизни так, как он [Писарев]; никто не вселял такой бодрости, никто не отрезывал так путь ко всякой сделке с голосом совести и мысли; никто не делал нас и только нас самих — ответственными за себя и за свое общественное будущее» («Русское богатство», 1899, № 5—8, стр. 109).

ления к нему человека, без приневоливания. У Писарева же, как сенсуалиста, на первом плане стоит стремление к наслаждению, к тому, чтобы провести жизнь как можно приятнее, в чем он и полагает свою теорию эгоизма... Основа нравственного идеала, выставляемого Писаревым, это — личность, самоосвободившаяся от всех нравственных законов и принципов и свободно отдавшаяся своим страстям и похотям».¹

В русских сенсуалистах 60-х годов Скабичевский видит некое подобие «версальских щеголей эпохи регентства», которые зачитывались Вольтером и энциклопедистами и находили в их сочинениях оправдание своему легкомыслию, ведшему их к крайнему разорению и под нож гильотины. Таким образом, суть этих глубокомысленных исторических аналогий заключается в том, что взгляды Писарева и других русских «сенсуалистов» служили неким философским оправданием аморализма.²

В лучшем случае народническая публицистика относилась к Писареву с оттенком снисходительного пренебрежения. Н. Михайловский видел в его взглядах некое подобие «толстовского морализаторства». Протопопов, отдавая должное блестящему дарованию талантливого критика, считал, однако, что общественная философия Писарева иллюзорна и «построена на песце».³

Противопоставление Писарева Добролюбову, приписывание ему узко индивидуалистической и, по существу, антинародной доктрины — таковы основные черты народнической концепции писаревской деятельности.

Необходимо, однако, отметить, что и в дореволюционной критической литературе о Писареве были попытки разобраться в положительном содержании его деятельности. Одна из самых ранних попыток такого рода принадлежит Н. В. Шелгу-

¹ А. М. Скабичевский. История новой русской литературы, стр. 99—100.

² Точка зрения Скабичевского получила довольно широкое распространение. Противопоставление Писарева Добролюбову мы находим и у Овсянко-Куликовского. «Различие между Добролюбовым и Писаревым в отношении к постановке идеи личности,—писал он в «Истории русской интеллигенции»,—сводилось к тому, что первый стремился подчинять ее требованиям общего блага и служения демократическому идеалу, и вместе с тем она получала у него, так сказать, «стоическую» окраску, между тем как второй не обнаруживал особых забот о таком подчинении и «окраска» идеи личности была у него «эпикурейская». Это различие между «стойком» Добролюбовым и «эпикурейцем» Писаревым Овсянко-Куликовский объяснял тем, что первый был разночинцем, а второй происходил из дворян (Овсянко-Куликовский. Собр. соч., т. VII, стр. 298). Об этом же говорит и Иванов-Разумник (История русской общественной мысли, ч. 4, изд. 5-е, П., 1918, стр. 40).

³ «Русское богатство», 1895, № 1, стр. 35—59.

нову. В неизданной своей статье о собрании сочинений Писарева¹ Шелгунов кое-где впадает в апологетическое преувеличение роли и значения своего соратника по «Русскому слову». Вместе с тем он слишком расширительно толкует индивидуалистические тенденции, свойственные Писареву. Однако в одном отношении он был бесспорно прав. Полемизируя с теми, кто противопоставляет Писарева Добролюбову, Шелгунов пишет: «Как Добролюбов есть продолжение Белинского, так Писарев есть продолжение и дополнение Добролюбова».² Оспаривая мнение тех, кто видел в воззрениях Писарева лишь парадоксальные крайности, Шелгунов подчеркивал, что Писарев «есть тоже выразитель русской мысли в новом ее моменте», что он — «прямое последствие умственного пробуждения и движения, начавшегося у нас в 55-м году». «В пору своей силы Писарев ни разу не изменил направлению, которое началось Белинским и продолжалось Добролюбовым».³

В другой неизданной статье, тоже предназначавшейся для «Дела» и точно так же запрещенной цензурой, статье, которая, по всей вероятности, принадлежит Ткачеву и написана, примерно, в 1882 году,⁴ автор оспаривает мнение Скабичевского. Он считает, что конкретное содержание высказываний Писарева противоречит его же теории личного эгоизма.

«Проповедуя, с одной стороны,— пишет автор,— что каждый должен печься и заботиться только о себе и своем личном благосостоянии и что от этого все останутся в выигрыше..., он, с другой стороны, при каждом удобном случае старается в возможно ярких красках представить нам всю ложь и неправду, разъедающую нашу общественную жизнь. Он не скрадывает, не фальсифицирует и не замазывает, а, наоборот, рельефно оттеняет все ее темные стороны: эксплуатацию труда капиталом, бедного — богатым, слабого — сильным, бедность, нищету, невежество народа, хищничество... высших и средних классов. Очевидно, в действительной, реальной жизни он решительно отрицает ту самую гармонию частного и общественного интереса, которую признает в теории, как факт существующий. Это его первое противоречие. Затем, признав, что умелый и расчетливый эгоист должен стремиться к свободному и беспрепятственному

¹ Статья предназначалась для «Дела», но была запрещена цензурой ввиду того, что «большая часть сочинений Писарева признана вредной по своему отрицательному направлению» («Литературное наследство», № 25—26, 1936, стр. 395—418).

² «Литературное наследство», № 25—26, 1936, стр. 399.

³ Там же, стр. 402.

⁴ См. по этому поводу в сб. «Шестидесятые годы» (М.—Л., 1940) статью П. Н. Ткачева «Издательская и литературная деятельность Г. Е. Благовосветлова».

удовлетворению всем эгоистическим побуждениям и наклонностям своей природы, он утверждает в то же время, что разумный и расчетливый эгоизм состоит не в свободном и беспрепятственном удовлетворении всем побуждениям и наклонностям нашей природы, а в подчинении этого удовлетворения нашему рассудку, т. е. тем общественным идеалам, к которым приводит человеческий разум, точная наука и реальное значение. Это — второе противоречие, из которого логически вытекает и третье: общечеловеческие идеалы... должны вызвать в человеке потребность... направить свою деятельность в интересах народного благосостояния».

Далее автор пишет:

«И подобных противоречий в миросозерцании Писарева, как и в миросозерцании большинства тогдашней молодежи, можно было бы отыскать бесчисленное множество. С одной стороны, поверхностно схваченные и недостаточно продуманные теории сенсуалистов, сводящие все разнообразные физиолого-психические мотивы человеческой деятельности к узкому, себялюбивому эгоизму, с другой — «общечеловеческие идеалы», налагающие на человека обязанность сообразовать свою жизнь и деятельность с требованиями «народной пользы» и «общего блага». С одной стороны, отрицательное отношение к условиям данной действительности, с другой — оптимистическая уверенность в существовании какой-то предусмотренной гармонии, будто бы лежащей в основе этих условий. С одной стороны, софизмы буржуазнейших из буржуазных экономистов, с другой — теории Пьера Леру, С. Симона и Фурье. С одной стороны, признание за личностью права «жить в свое удовольствие», «беспрепятственно удовлетворять всем своим эгоистическим побуждениям», с другой — Базаровский ригоризм и Рахметовский аскетизм...

...Какой хаос, какие противоречия! Но зато и сколько жизни, сколько новых идей, сколько энергии и мысли!»¹

Противоречия были, действительно, свойственны Писареву, но Ткачев в анализе этих противоречий ошибался, и ошибка эта проистекала из того, что Ткачев рассматривал Писарева статически, а не в развитии, в движении. Естественно, что анализ взглядов Писарева, выраженных в разное время, должен был породить представление о непонятных и несогласуемых друг с другом противоречиях. Как бы то ни было, но Ткачев, вопреки Скабичевскому, видел ярко и полно представленные в работах Писарева социальные мотивы, а не только индивидуалистическую проповедь.

Чрезвычайно показательно, что, в то время как буржуазно-

¹ Сб. «Шестидесятые годы», 1940, стр. 228—229.

Эти опасения и репрессии, которые вызвала деятельность Писарева, начиная с 1861 года и много лет спустя после его смерти, имели, как это видно из нашего изложения, серьезные основания. У царского правительства были все данные для того, чтобы усматривать в Писареве одного из последовательных проповедников революции, материализма и социализма. Революционная молодежь действительно видела в нем своего руководителя. В некрологе, посвященном Писареву, «Неделя» писала:

«Чуть не с самого начала своей литературной карьеры он приобрел целую массу как горячих поклонников и почитателей, так и ожесточенных хулителей и порицателей...»¹ «В смысле успеха и счастья в своей литературной деятельности, покойный Д. И. Писарев уже при жизни достиг таких результатов, какие выпадают на долю немногих избранных».²

Многочисленные свидетельства подтверждают, какое сильное воздействие оказывали статьи Писарева на читателя. В самый разгар полемики Писарева с Антоновичем в редакцию «Современника» поступали от читателей негодующие письма, в которых изъявлялось полное сочувствие взглядам «Русского слова».³ Северов, учившийся в 70-х годах в Петербургском университете, утверждал, что статьями Писарева «не только зачитывались, а, можно сказать, захлебывались, заучивали их наизусть, приводили из них чуть не целые страницы в горячих, бесконечных спорах». Вера Засулич называет Писарева «любимцем молодежи», которым «зачитывались и шестидесятники и семидесятники».

С. Л. Чудновский рассказывает:

«Кумиром и богом гимназической молодежи в половине 60-х годов прошлого столетия был Д. И. Писарев. Статьями его захлебывались, мысли его воспринимались с благоговением, как евангелие, как нечто непререкаемое, как священный завет... Я помню, с каким страстным нетерпением мы ожидали выхода книжек чрезвычайно популярного тогда «Русского Слова» и с какой жадностью мы набрасывались на полученную новую книжку, если только в ней появлялась статья Писарева... Не могу не воспроизвести следующего характерного эпизода. Я окончил 7-й класс гимназии и собирался в университет. В один из летних июньских вечеров 1868 года группа учащихся старших классов нашей гимназии собралась на «Потемкинском бульваре»... Вдруг кто-то из гуляющей публики взволнованным голосом

¹ «Неделя», 1862, № 35, стр. 941.

² Там же, 1868, № 32, стр. 942.

³ См. «Современник», 1865, вып. V, стр. 110.

сообщает только что полученную в Херсоне ужасную вестъ: наш кумир Писарев упал во время купания в море в Дуббельне и утонул! Вестъ эта подействовала на нас буквально потрясающим образом; несколько человек из нашей компании опрометью и совершенно бессознательно бросились из бульвара в разные стороны, в числе последних был и я. С сильно бьющимся сердцем бросился я на квартиру своего старшего брата и, глубоко потрясенный, совершенно обессиленный, вбежал в кабинет, опустил на стул, не будучи в состоянии издать хоть какой-нибудь звук. Лишь по прошествии нескольких минут, после того, как я выпил залпом несколько стаканов воды, я, наконец, захлебывающимся голосом передал окружающим дошедшую до меня новость» (С. Л. Чудновский, «Из давних лет». М. 1934, стр. 8—9).

Н. Морозов отмечает влияние, которое оказал на него Писарев:

«Как случилось мое последовательное революционизирование, я не мог бы рассказать. Все было так постепенно и незаметно, и так вели к этому все условия русской жизни... Когда я впервые прочел Писарева и Добролюбова, мне казалось, что они выражают лишь собственные мысли» (Н. Морозов, «Повести моей жизни», т. 1, ГИЗ, 1928, стр. 30).

Академик Бах указывает на культурную роль деятельности Писарева:

«Любя природу, я рано почувствовал стремление к познанию ее, но осмыслилось это стремление только после того, как я прочел Писарева... От него же я узнал, что я должен приносить пользу Обществу» (А. Бах, «Записки народовольца». Мол. Гвардия, 1922, стр. 172).

Так же говорит и Тимирязев о Писареве:

«Пробегая на расстоянии полувека эти горячие красноречивые страницы так рано отнятого судьбой у русской литературы талантливого и широкообразованного критика-публициста, понимаешь, какие глубокие корни пустило в общество того времени сознание не узко утилитарного, а общеобразовательного, философского значения того самого естествознания, занятие которым еще так недавно обыкновенному русскому обывателю представлялось каким-то непонятным барским чудачеством».¹

Таким образом, самые различные источники свидетельствуют о выдающейся роли, которую сыграл Писарев и в истории русской революции, и в истории русской культуры. Однако эта общая суммарная оценка должна быть уточнена. В конце XIX

¹ К. А. Тимирязев. Соч., т. VIII. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов, стр. 174—175.

века в русском освободительном движении выкристаллизовались два главных течения — революционный марксизм и народничество. Генетически оба эти течения восходят к умственным движениям середины века и в частности к шестидесятым годам. Было бы неверно считать народничество самобытным явлением русской жизни, а марксизм лишь привнесенным извне. В общественной мысли шестидесятых годов были элементы, которые при своем дальнейшем развитии могли привести к народничеству, но были и такие элементы, которые открывали путь к марксизму. Какое же место занимает Писарев? Был ли он в числе предшественников марксизма или предшественников народничества? На этот вопрос т. Кирпотин дает категорический ответ: «Писарев был не предшественником марксизма в России, а ступенью, ведущей от гегемонии Чернышевского к гегемонии Лаврова и Михайловского». ¹ Иными словами, Писарев представляет собой переходный этап от революционных просветителей 60-х гг. к народничеству. В свете всего сказанного нами несостоятельность этой точки зрения представляется очевидной.

В статье «От какого наследства мы отказываемся» Ленин так охарактеризовал русского просветителя шестидесятых годов: «Как и просветители западно-европейские, как и большинство литературных представителей 60-х годов, Скалдин ² одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских реформ жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому. Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов», и важно подчеркнуть, что ничего народнического в этом наследстве нет». ³

Ленин отмечает далее у просветителей исторический оптимизм, «бодрость духа», «беспощадную вражду к остаткам старины». Все эти черты просветительства — ненависть к феодаль-

¹ В. Кирпотин. *Радикальный разночинец Д. И. Писарев*. М., 1934, стр. 309.

² Говоря о Скалдине, Ленин фактически имел в виду Чернышевского. (Л. П.)

³ В. И. Ленин. *Соч.*, т. II, стр. 314.

ным пережиткам во всех областях жизни, горячая защита просвещения, отстаивание интересов народных масс, оптимизм — ярко и точно характеризуют и мировоззрение Писарева.

Но вражда к крепостному праву и всем его порождениям, защита просвещения, свободы и европеизации жизни, отстаивание интересов народных масс — все это в ленинской концепции — родовые признаки русских просветителей 60-х гг., черты, свойственные всем им. И чрезвычайно важно подчеркнуть, что по Ленину в этих трех признаках просветительства ничего народнического нет. Как мы уже указывали, общие признаки просветителей в полной мере присущи Писареву. Стало быть, не в них можно усматривать идейные черты будущего народничества. Может быть, однако, эти зародыши народничества заключены в том специфическом, и индивидуальном, что характеризует деятельность Писарева. Но в чем заключаются эти отличительные особенности взглядов Писарева? Во-первых, в признании приоритета индустриального развития по сравнению с развитием аграрным; во-вторых, в усиленной пропаганде естественных наук, в стремлении соединить социализм с естествознанием; в-третьих, в акцентировании внимания на рабочем движении, которому, по мнению Писарева, предстоит решить основные вопросы общественного переустройства жизни; в-четвертых, в утверждении необходимости внести в стихийное движение масс революционную сознательность. Легко заметить, что ни одна из этих отличительных особенностей ничего общего не имеет с народничеством. Мало того, эти взгляды Писарева внутренне враждебны народничеству.¹ Ссылка на субъективную социологию, которая, якобы, восходит к Писареву, свидетельствует о поверхностных сближениях различных точек зрения, а не о сравнительном анализе по существу. Борясь за внесение революционной сознательности в движение масс, ратуя за воспитание революционного авангарда, Писарев нигде не говорил и не мог говорить о навязывании истории субъективного идеала, как это делали народники. Напротив, оставаясь еще в плену

¹ Отношение Писарева к науке, по мнению т. Ярославского, было прямо направлено против народников-бакуинцев. «Проповедь Писарева о том, что в науке и только в ней одной, заключается та сила, которая независимо от исторических событий может разбудить общественное мнение и сформировать мыслящих руководителей народного труда, была, между прочим, направлена тогда и против тех нарождавшихся народников-бунтарей бакуинского лагеря, которые считали, что народ незачем и нечему учить, что все крестьяне — природные коммунисты и готовы к революции и надо их лишь суметь взбунтовать» («Правда», 13 сентября 1940 г., № 285).

идеалистических представлений об историческом развитии, Писарев, однако, ни на минуту не прекращал попыток найти объективные закономерности исторического движения и всячески подчеркивал необходимость опираться на естественный ход истории.¹

Писарев был менее последовательным и целостным мыслителем, чем Чернышевский.

В ряде вопросов он отступал от Чернышевского и это приводило его к ошибкам и заблуждениям.

Но это ни в какой мере не умаляет той исторической роли, которую Писарев выполнял. А суть этой роли заключалась в том, что вместе с Чернышевским и Герценом он еще в шестидесятых годах готовил почву для революционного марксизма. И родовые черты просветительства и индивидуальные особенности Писарева как мыслителя, при всех его колебаниях, делают его предшественником революционного марксизма в России. Именно этим объясняется отрицательная оценка его народниками. Этим же объясняется то, что Писарева высоко ценил Ленин.

В цитированной уже статье Ленин подчеркивал, что не народники, а «ученики», то-есть революционные марксисты, являются верными хранителями наследства просветителей 60-х годов.

Писаревское высказывание о мечте Ленин с сочувствием

¹ Ср. точку зрения на этот вопрос гг. Иовчука и Васецкого:

«Несмотря на ряд ошибочных моментов в философских и социологических воззрениях Д. И. Писарева, подхваченных и раздутых до крайности идеологами народничества, взятое в целом мировоззрение Писарева было противоположно мировоззрению субъективных социологов народничества.

Писарев всегда был страстным защитником материализма в философии, тогда как народники перепевали идеалистические, позитивистские теории. Еще в 60-х гг. Писарев выступил с критикой идеализма Лаврова, будущего идеолога народничества.

Писарев был революционным демократом, тогда как народники растредили демократизм в «мещанском социализме», возвеличивавшем старые, отжившие патриархально-крепостнические учреждения, и прежде всего сельскую крестьянскую общину.

Писарев выступал за насаждение в России западно-европейских порядков, за строительство промышленности, железных дорог, за развитие передовой техники, за приобщение России к западно-европейской цивилизации, тогда как народники стремились во что бы то ни стало сохранить «самобытные устои» русской жизни и помешать ее развитию по капиталистическому пути.

Писарев стремился путем распространения просвещения поднять к исторической деятельности народные массы, а субъективные социологи народничества возлагали исключительную надежду на «героев-делателей истории» (Т. Васецкий, М. Иовчук. Очерки истории русского материализма XVIII—XIX вв. М., 1942, стр. 174—175).

цитирует в книге «Что делать?». Конспектируя «Метафизику» Аристотеля, Ленин снова возвращается к имени Писарева: «Нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарева о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой».

По свидетельству Крупской, Писарев принадлежал к числу любимых революционных писателей Ленина. В «Воспоминаниях о Ленине» она пишет: «Писарева Владимир Ильич в свое время много читал и любил». «Он мне заявил,— говорит Крупская,— что сам зачитывался Писаревым, расхваливая смелость его мысли. В шушенском альбоме Владимира Ильича среди карточек любимых им революционных деятелей и писателей была фотография и Писарева».¹

Писаревым увлекался в юношеские годы и товарищ Сталин. Глурджидзе в очерке «Памятные годы» пишет: «Иосиф увлекался чтением «посторонних книг». Вокруг него собирались товарищи. Чтобы лучше разобраться в интересовавших нас вопросах, мы читали «Историю культуры» Липперта, «Войну и мир», «Хозяин и работник», «Крейцерову сонату», «Воскресенье» Льва Толстого, а также Писарева, Достоевского, Шекспира, Шиллера и др.»²

Писарев является предшественником марксизма не только в социально-политических своих воззрениях, но и в своей эстетике. Крайне характерно, что меньшевистствующие критики, считая себя преемниками литературоведческих идей и Пыпина, и Овсяннико-Куликовского, и Тэна, и Венгерова, и др., сознательно и систематически игнорировали критическое наследие шестидесятников. Даже если кто-либо из них и обращался к этому наследию, то делалось это для того, чтобы умалить значение Чернышевского, а у Писарева провозгласить положительными как раз те стороны, которые у него были наиболее слабыми.

Разумеется, к сильным сторонам его эстетического наследия не могут быть отнесены парадоксальные крайности «разрушения эстетики». Но его стремление решить вопросы искусства с точки зрения интересов народных масс, его борьба против идеализма и мистики в вопросах искусства, писаревская идея подчинения искусства освободительным идеям века, его неустанная и последовательная борьба за такую литературу, которая раскрывала бы острейшие противоречия социальной действительности и звала бы к преодолению отрицательных сторон жизни, его борьба за реализм в искусстве — сыграли большую и, несомненно, прогрессивную роль.

¹ «Правда», 3 октября 1935 г., № 273.

² Г л у р д ж и д з е. Памятные годы. Сб. «Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине», 1938, стр. 10.

В Писареве наша социалистическая современность ценит выдающегося деятеля русской культуры и русской революции, для которого борьба против самодержавия и крепостничества была одновременно борьбой за расцвет родины, за ее свободу, благосостояние и независимость. Вот почему в дни Отечественной войны, являющейся самой суровой и всеобъемлющей проверкой всех идеологических ценностей, интерес к Писареву не угас. В 1942 г. вышла брошюра В. Кружкова о Писареве.¹ Курс лекций по истории русской материалистической философии XVIII и XIX вв. Иовчука и Васецкого, вышедший в том же 1942 году, отводит Писареву целую главу.² Журнал «Под знаменем марксизма» в специальной статье ставит вопрос о политических и философских взглядах Писарева.³ О месте Писарева в развитии русской философии говорит и журнал «Большевик».⁴

И то, что советская наука в грозные дни величайшей в истории войны с таким пытливым вниманием изучает Писарева, убедительно свидетельствует об органичности и жизненности творческой деятельности этого блестящего представителя русской революционной демократии.

¹ В. Кружков. Д. И. Писарев. Госполитиздат, 1942.

² Т. Васецкий, М. Иовчук. Очерки по истории русского материализма XVIII—XIX вв. ОГИЗ, 1942.

³ С. Софронов. Политические и философские взгляды Д. Писарева. «Под знаменем марксизма», 1943, № 3, стр. 31—43.

⁴ В. Кружков, П. Федосеев. Основные черты русской классической философии XIX века. «Большевик», 1943, № 6, стр. 22—30.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
40	11 сверху		сноска ¹ относится к стихотворению
115	12 снизу	4 июня	4 июля
132	4 »	личности в истории	личности и истории
206	18 сверху	Абсолютический	Абсолютистский
256	16 »	покоится на тех людях	покоится на наших пролетариях, на тех людях
256	1 снизу	изд. 3-е, стр. 168—169	изд. V, стр. 168—169
257	23—24 сверху	оставалась бы	осталась Льву Ильичу
315	17 снизу	Якову Ильичу	40-х годов
406	23 »	70-х годов	лишь мои собственные
413	21 сверху	лишь собственные	

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	3
Глава I. Писарев в оценке критики	5
Глава II. Шестидесятые годы	15
Глава III. Биография	79
Глава IV. Начало литературной работы (1858—1861)	119
Глава V. Писарев и Благовосветлов	168
Глава VI. Первый период сотрудничества в «Русском слове» (1861—1862)	188
Глава VII. Второй период сотрудничества в «Русском слове» (1863—1865). Теория реализма	216
Глава VIII. Второй период сотрудничества в «Русском слове» (продолжение). Poleмика с «Современником» и с Антоновичем	241
Глава IX. Второй период сотрудничества в «Русском слове» (окончание). Проблема пролетариата	273
Глава X. Последний период деятельности Писарева	309
Глава XI. Эстетические взгляды Писарева	333
Заключение	402

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
АН СССР за № 2269

Технические редакторы
О. Зальшикина и Н. Мурашева

Подписано к печати 29/VII 1945 г. Печ. л. 26¹/₄
Уч.-изд. л. 31,5 А18809 Тираж 7000 Цена 30 р.
Заказ 325

2-я типография Издательства Академии Наук
СССР, Москва, Шубинский пер., 10

50170